

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-132-141>

УДК 130.2+39+81

ББК 87.21+81

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Ю.У. Каскина
г. Москва, Россия

РАССКАЗ И.С. ШМЕЛЕВА «СВЕЧКА» И СУДЬБА КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА

Аннотация: В рассказе «Свечка» (1924 г.) повествуется об одной огромной образцовой экономии на юге России, само название которой — Стар-Новка — созвучно крымскому Новому Свету, в 1878 г. приобретенному князем Л. С. Голицыным, создавшим в нем винодельческое хозяйство. Судьба Стар-Новки изложена И.С. Шмелевым со слов управляющего, любившего свое дело, но вынужденного после установления советской власти с риском для жизни уехать за границу. Однако, он и на чужбине продолжает верить в неумирающую человечность. Метафорически «свет в душе» реализован Шмелевым в образе свечки. Дела князя Голицына, 37 лет умело и плодотворно хозяйствовавшего в Новом Свете, постепенно приходили в упадок, имение в 1913 г. было передано в дар Николаю II. Л.С. Голицын скончался в 1915 г., но его потомки — дочь и две внучки — претерпели беды, с которыми сходны события, изображенные в рассказе Шмелева. Под угрозой расстрела в 1918 г. у них изъяли драгоценности, в 1920-х гг. внучек арестовали, мужу одной из них удалось бежать, он обосновался в Париже. Пережитые им реальные события, возможно услышанные Шмелевым, могли стать, на наш взгляд, исторической основой сюжета рассказа «Свечка».

Ключевые слова: Шмелев, «Свечка», Голицын, Новый свет, шампанское, духовность.

Информация об авторе: Юлия Узакбаевна Каскина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

E-mail: kaskina@inbox.ru

Дата поступления статьи: 22.07.2022

Дата одобрения рецензентами: 30.07.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Каскина Ю.У. Рассказ И.С. Шмелева «Свечка» и судьба князя Голицына // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 132–141.

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-132-141>

В июле 1924 г. во французских Ландах И. С. Шмелев написал рассказ «Свечка» с подзаголовком: «рассказ управляющего». Повествование ведется от первого лица. Управляющий Алексей Семенович доверительно и дружелюбно обращается к читателю. Это знающий, деловой, увлеченный специалист, потомственный хозяйственник, труженик, работающий не за страх, а за совесть.

Он с гордостью и любовью представляет нам свою «экономию»: «Тридцать два хутора, сахарные заводы, конские, овчарни... Шесть тысяч пар волов, бывало, выедут пахать... — карти-на! Тысяч пятьдесят рабочих проходило за год, со всех концов России...» [13, с. 87].

Далее из рассказа мы узнаем, что власть за это время сменилась восемь раз. Распущенность, бесхозяйственность, наглость представителей новой власти, особенно по сравнению с бывшими хозяевами — князьями, которые «тихо вежливо пройдутся, благодарят» [13, с. 89], резко бросается в глаза. Если раньше хуторяне — богатели, земство — «не знало дефицитов» [13, с. 89], в оранжереях росли персики, шпанские вишни, ананасы, «специалисты-иностранцы поражались, книги о нас писали... Рабочие гордились! “мы стар-новцы!”» [13, с. 89], то теперь все переменялось — восторжествовали грубость, жадность — все выискивали «подземелье со стародавними червонцами» [13, с. 88]; ненасытность — рассказчик сравнивает представителей новой власти с саранчой; глупость — «пшеницы от капусты отличить не может» [13, с. 88]; деспотичность — «капризы, требуют, мандаты эти свои суют, грозят» [13, с. 88]. Вместо прежней упорядоченной, трудовой и осмысленной жизни всюду воцарился полнейший хаос и настоящий разгул анархии.

Меняются и отношения между людьми, превращаясь из возвышенно-восхищенных в недоверчиво-ненавидимые. Вот как описан Яков Исаич — старый агент по хлебу — буквально одним предложением, вмещающим и его историю, и характеристику: «поэт своего дела и знаток. Стар-Новку любил как колыбель, — вырос на ней и детей поставил, работал честно...» [13, с. 89]. Симпатия и уважение явственно слышатся в этих словах.

Прямой противоположностью этого героя выглядит приставленный к Алексею Семеновичу матрос Гайка — «ничего не смыслил, был грубоват... Он больше рыскал по подвалам, ревизовал бутылки, и все нашаривал, — да де-жь воны, червонци?!...» [13, с. 87]. Еще хуже был следующий — «“ученый агроном”, но без диплома» [13, с. 90].

Будучи истинным патриотом, управляющий остается неподкупным, когда жаждущие наживы спекулянты, пользуясь наступившим безвременьем, хотят купить его образцовое, не до конца подорванное даже в тяжелые дни гражданской войны и революции хозяйство. Стар-Новку он называет жемчужиной, негодует по поводу бесчестных дельцов — «иностраннный капитал ввернулся — зацапать русский жемчуг» [13, с. 89]; как специалист очень высоко, но объективно оценивает ее — «наша Стар-Новка, уж плохо-плохо, — миллионов восемь, на прежние!» [13, с. 90].

Любя свое детище всей душой, он относится к усадьбе не просто как к экономически выгодному предприятию, но как к хорошо налаженному хозяйству, созданному поколениями русских людей с душой и со знанием дела. Он решительно заявляет явившемуся к нему адвокату: «Наша Стар-Новка не продается! Можно разорить ее, но не купить» [13, с. 90]. Такому — хозяйственному, ответственному и в то же время глубоко личному отношению к делу всей жизни — вторит и Яков Исаич. Во время обыска он взволнованно произносит: «Стар-Новка — наша, мы на ней родились и на ней умрем... и мы должны ее беречь, как хлеб!..» [13, с. 91].

Столь трепетное и ответственное отношение к делу отчетливо перекликается с верной, на наш взгляд, мыслью И.А. Ильина о том, что «хозяйственный труд имеет духовную природу» [2, с. 17]. Философ не просто констатировал эту связь, но уточнял и обосновывал ее религиозный, нравственный, художественный и познавательный характер.

В произведении Шмелева показано, что окончательно утвердившиеся — после немцев, гетмана и Петлюры, — большевики оставили работать в усадьбе старых специалистов, но оказывают на них давление. Во-первых, уже распространялась атмосфера подозрительности и доноительства, во-вторых, бандиты все надеялись найти упрямые миллионы. Сообщение в газете «старого рабочего», что «управляющий скрыл от рабоче-крестьянской власти фамильные драгоценности сановных крепостников на тридцать миллионов золотом!» [13, с. 91], накаляло страсти. Необузданной жадности и злобности противопоставлено любовное и бережное отношение к родной земле, плодородной при должном уходе и заботе. Будто бы дразня корыстолюбивых бездельников, Алексей Семенович поясняет «“Червонци”, конечно, были, — в недрах! — их можно было добывать трудом и знанием... Так и говорил я всем. Никто не верил» [13, с. 88]. Все это заставило его спешно покинуть усадьбу, уехать на ближайшем поезде.

Предваряет кульминацию рассказа с виду незначительный эпизод, имевший, однако, по мнению рассказчика, решающее значение — «ровно гори свеча, — вряд ли бы я проснулся» [13, с. 95]. Закуривая, вопреки предостережению кондуктора, он увидел и зажег маленький огарок, который, спустя короткое время, «метнул последний синий язык», испугал и тем самым пробудил управляющего.

Будто воплощая сгущающиеся сумерки человеческого духа, наступающий и воцаряющийся повсюду мрак жестокости и бесчеловечности, обстоятельства главного происшествия описаны также в черных тонах; «я остался один во тьме»; «ночь была черная» [13, с. 94], «заснул, как мертвый» [13, с. 95]. Мотив света, таким образом, еще более оттеняется мотивом тьмы. Когда опасность миновала, и поезд пошел дальше, рассказчик особо отмечает продолжающуюся беспросветную ночь — «глухие, ночные станции, во тьме... нигде ни огонька. Ночь тянулась...» [13, с. 98].

Поезд остановили партизаны, устроили облаву. Они описаны выразительно и ярко: «пьяный вооруженный сброд, в пулеметных лентах, с винтовками, с болтающимися гранатками, в папахах, в собачьих шапках, в полушубках и волчьих куртках... Грохот сапог и рев плоток...» [13, с. 95]. Безуспешно пытались они открыть замок — «старая дверь держала: в старину крепко строили!» [13, с. 96].

Управляющий, замерев за дверью в каморке в предельном напряжении, все слышал. Как кондуктор его выгораживал — то прикидываясь равнодушным — «за всеми не углядишь, сколько народу едут!..» [13, с. 96], то — своим — «он — молчок... знает нашу железную бригаду, первая мы опора, — не доверяет!..» [13, с. 97], то — недовольным — «ваша воля, ломайте... Раз не чинют!..» [13, с. 96] и «свечей нам не выдают» [13, с. 96]. В конце концов старик навел партизан на ложный след, чем и спас человека от верной смерти, сказав, что тот, видимо, на ходу спрыгнул с поезда.

Шмелев показывает, что именно в решающие моменты истории, в трагические минуты жизни проявляется в человеке главное содержание его души, направление духа. Здесь надо сказать, что люди — хорошие, верные, родные — как раз очень помогали управляющему во время его «исхода». Это были: кучер, повар, дремлющий по соседству «старенький батюшка», кондуктор. Все помогали, спасали, подбадривали: «к ночи верный мой кучер подал пролетку в парк» [13, с. 93]; «в Ступеневе повар взял мне билет до О., мы братски простились» [13, с. 93]; уже в вагоне: «помню, разобрал я во вздохе моего соседа: “Господи, Боже наш...” Это меня укрепило, — родная душа рядом!» [13, с. 93].

Сквозным и, конечно, главным в рассказе является мотив света. Он реализован как метафорически — «уцелевшая в людях искра» [13, с. 87], огонек, «который теплился <...> в душе» кондуктора [13, с. 98], «чистый огонек» в человеке, «даже

безнадежном, самом отпетом» [13, с. 99], так и буквально — в прямом смысле: свет от фонарика, свечки, огонек папиросы. Свет, или, по словам рассказчика, «чистый огонек» в человеке оживотворяет и облагораживает его, помогает принять единственно верное решение, чтобы спасти ближнего. Обращают на себя внимание глаголы, связанные с рассматриваемым мотивом. Так, в начале пути кондуктор идет по вагону, «освещающая углы фонариком» [13, с. 93]. Он ищет Алексея Семеновича. Подробнейшим образом описаны его поиски, при этом использованы следующие метафоры: «он метнул мне в лицо фонариком и пригляделся» [13, с. 93], «провел светом», «луч стрельнул», «на мгновение осветил» [13, с. 94]. Когда поезд уже после партизанского налета продолжил свой путь, а управляющий приходил в себя, дверь тихонько открылась и «освещающая сверху фонариком, стоял передо мной с хитровой усмешкой старик кондуктор...» [13, с. 98].

Объясняющими, объединяющими, переводящими вновь из буквального смысла в метафорический становятся как бы подытоживающие это опасное происшествие раздумья рассказчика: «С этим беловатым пятном <распльившаяся пленка догоревшей свечки. — Ю.К.> была связана моя жизнь... и, быть может, с той свечкой, что убрал от меня кондуктор, и — с тем огоньком, который теплился в его душе...» [13, с. 98].

В эмиграции во Франции управляющему вспоминается Стар-Новка, он тоскует по размаху деятельности — «Я двадцать лет огромное творил...» [13, с. 99] — «Стар-Новка наша!.. ах, была какая!.. какие горизонты открывались... Я перестраивал ее на новое хозяйство, сокращал волов, тракторы вводились... А сколько было в нее засыпано!.. Уж как трепали, — а она жила!» [13, с. 99], и тоскует по... «родному огоньку» [13, с. 99] — свету, который теплится в душе каждого человека. Взволнованно звучит риторический вопрос, ответ на который или обнадеживает и возрождает к жизни, или обесценивает любые материальные блага: «Неужели и его погасят?! Ну, тогда и Стар-Новки мне не надо...» [13, с. 99].

Рассказ «Свечка» и прежде привлекал внимание исследователей. О.Н. Сорокина и Н.М. Солнцева рассматривают его в составе изданной в Париже в 1927 г. книги Шмелева «Про одну старуху. Новые рассказы о России». При этом Сорокина указывает на появившуюся у писателя сказовую манеру, проявляющуюся в повествовании от первого лица, оценивает произведения Шмелева эмигрантского периода «по эмоциональной глубине и художественной тонкости» как «новый, более высокий этап в его творческом движении» [8, с. 191].

Она также приводит слова Шмелева из письма к П.Б. Струве в 1925 г. о понимании им своей художественной задачи: «Это будет моя попытка оправдания России. Она (Россия) в этом не нуждается, конечно, но надо ее показать... Я дам побитую правду. Столько фактов удивительного хода и прогресса прежней России, и надо их бросать в глаза» [10, с. 403]. Говоря о горячих спорах философов в эмиграции о будущем России и их собственных задачах, позицию молча слушающего Шмелева Солнцева формулирует так: «Его путь — другой, творческий. Он меньше судил о народе, а больше вслушивался и всматривался в народ» [7, с. 166].

Л.А. Спиридонова пишет об этом рассказе, что «чудо спасения жизни управляющего большим богатым именем связано с огоньком свечки, а символически — с глубинными свойствами души простого русского человека» [9, с. 123]. И приходит к выводу, что национальная русская идея в творчестве Шмелева «воплощена прежде всего в образе Света, который многопланов и многозначен, являясь не просто образом, а концептом духовной сущности русской жизни» [9, с. 121].

Перечисленные Л.Ю. Суrowsой волнующие писателя как раз в эти годы темы — «трагедия и гибель мощного государства, расхищение России, истребление ее населения новой властью» [11, с. 421] — подняты и мастерски художественно воплощены в рассказе «Свечка».

Прообразом этой талантливо рассказанной И.С. Шмелевым истории является, на наш взгляд, реальная невымышленная история последних представителей рода князей Голицыных, один из самых ярких представителей которого, князь Лев Сергеевич Голицын (1845–1915) по праву считается создателем крымского промышленного виноделия. В 1878 г. он приобрел у грузинского князя З.С. Херхеулидзева урочище Парадиз, позже переименованное в Новый Свет. Там владелец насадил виноградники, заложил глубокие погреба для выдержки вин, наладил производство шампанского. В 1896 г. произведенное на его и ныне действующем заводе «Новый Свет» вино поставлялось на императорский стол. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже игристое вино «Парадизио» получило Гран-при¹. Отметим созвучие географических названий: в рассказе Шмелева, как мы помним, место действия — усадьба Стар-Новка.

Князь Голицын был увлеченным и профессиональным виноделом, о чем свидетельствует его ответ директору Никитского ботанического сада К.И. Тархову перед совещанием наиболее видных южнобережных деятелей виноградарства и виноделия по вопросу о вырождении французских лоз на южном берегу Крыма в марте 1904 г. Он не только высказывает свои гипотезы, но и готов доказать свои опирающиеся на опыт выводы, предлагает ряд мер против «замеченных неблагоприятных изменений». «В Крыму же на основании моих 25-летних опытов, которые я могу доказать на основании коллекции моих вин, лучшее вино получается от тех кустов, которые были посажены недавно, и вино от 4- и 5-летних кустов самое лучшее столовое вино. <...> Насколько за границей вино от отводков считается ниже, настолько у нас от отводков считается выше. Это опять я говорю на основании моих опытов и все это я могу доказать» [5, с. 34].

Биографы подчеркивают, что Голицын был страстным виноделом-художником, но не расчетливым хозяином. Голицын с большим удовольствием угощал, раздаривал, пополнял шампанским свои коллекции, нежели торговал. И пока были деньги, виноградники и подвалы содержались образцово.

Перечисляя новшества и обзвывая хозяйственную деятельность князя, специалисты отмечают, что «в целом за весь период хозяйствования в Новом Свете, 37 лет, Л.С. Голицын с каждым годом не прекращал совершенствовать свой “Парадиз-рай”. Он проложил дорогу, водопровод, прогулочную тропу в 5 км, облагородил естественные гrotы на побережье, украсил парк и аллеи, построил систему тоннелей для выдержки

¹ А.А. Иванов в своем очерке «Крымское шампанское» рассказывает интересный эпизод, свидетелем которого он был. По окончании выставочной экспертизы на торжественном обеде решено было подать вина, получившие высшие награды. Так как в числе их было и новосветское шампанское розлива 1899 г., то и оно было подано. Когда к концу обеда принесены были бокалы с шампанским и начались тосты, первый тост произнесен был за графа Шандона.

Восхваляя графа, оратор между прочим указал, что он выпускает шампанское, составляющее гордость Франции. В ответной речи граф Шандон сказал: «Отличному качеству вина, которое мы теперь пьем, мы прежде всего обязаны тем рабочим, которые из поколения в поколение уже более 100 лет работают в нашей фирме. За них поднимаю бокал». Поднялся Голицын. «Я давно мечтал, — сказал он, — найти во Франции хорошего представителя для распространения моего шампанского. Сегодня я его нашел. Вы, граф, сделали мне отличную рекламу, так как в настоящую минуту вы пьете мое вино. Позвольте же мне быть таким же ревностным распространителем вашего шампанского в России» [1, с. 734].

вина, сформировал виноградные плантации, заложил основы коллекционного шампанского виноделия. Лев Сергеевич Голицын стал одним из первых дворянских предпринимателей по производству вин на европейском рынке и тем самым доказал Европе, что Российские вина могут быть конкурентно способными» [3, с. 47]. Понятно, что за этим перечислительным рядом стоит напряженный труд не одного человека. А также вдохновение, организаторские способности, деловитость самого владельца.

Большая, значительная, чрезвычайно актуальная сегодня тема «дела», способа хозяйствования также звучит в рассказе Шмелева. Сжато она дана в одном абзаце: «У меня минуты на счету... тридцать хуторских докладов, ежедневные объезды <...> — хозяйственный план сложный и тончайший, до волоска в хронометре, где соринка может вызвать остановку... А сколько заседаний, по отраслям!» [13, с. 91]. Крупицами эта тема разбросана по тексту. Преданность делу и способность к нему вызывают уважение и у матроса Гайки — «Даже Гайка, приглядевшись, сказал, однажды: — “ну, вже и пе-кло вам!”» [13, с. 92]; и у главаря партизан Куряча: «Я вас даже уважаю, по работе... и черда-чок у вас!...» [13, с. 92]; и у Советской власти, которая, хоть и травила управляющего, но ценила его как дельного специалиста. «Это так же сложно, как править государством, — говорит Алексей Семенович. И с нескрываемой досадой продолжает, — впрочем, иные думают, что надо только уметь болтать и отдавать приказы по телефону» [13, с. 92].

С широким, чисто русским размахом был построен дом князя. Он производил впечатление на многочисленных гостей. Николай II после посещения Нового Света в 1912 г. записал в дневнике: «Л.С. Голицын и угощал нас, как это он умеет делать, показал нам дом для гостей с великолепным старым хрусталем, серебром и чудными вещами <...> комната густо обставлена мягкой мебелью, устлана коврами и картинами <...> как оказалось, по словам князя, здесь только капля редких вещей, а целое море их хранится в ящиках в подвале...» [Дневники Императора Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 85–86].

В 1913 г. имение с энотейкой², дегустационным залом и штольнями Голицын передал в дар Николаю II. Его приняли по акту, и оно перешло в ведение Ливадийско-Массандровского удельного управления. Через два года бывший хозяин умер: «Относительно обедневший князь Лев Сергеевич Голицын, кавалер французского Ордена Почетного легиона, скончался от пневмонии 26 декабря 1915 года и был похоронен в склепе вместе со своей женой Марией Михайловной, которая умерла раньше. После революции останки покойных выкинули из склепа...» [6, с. 53]. После смерти Голицына делами ведала опека. Вина, оставшиеся без прежнего ухода, теряли свои качества. Во время гражданской войны много вина было выпито и разобрано, а к приходу советской власти в «Новом Свете» от начинаний Голицына остались почти пустые шампанские подвалы³.

² Коллекция вин, хранилище вин, разлитых в бутылки. Энотеки создаются в подвальных помещениях, хорошо вентилируемых и сухих, с постоянной температурой в пределах 10–14°.

³ В советское время виноделие в Крыму переживало подъемы и спады. Многие виноградники пострадали во время Великой отечественной войны. В 1956–1958 гг. площади крымских виноградников увеличились более чем в два раза. Именно тогда были разработаны специальные ускоренные технологии и налажено массовое производство недорогих столовых и крепленых вин. Большой ущерб виноделию полуострова нанесло постановление от 25 мая 1985 г. «О борьбе с пьянством и алкоголизмом»: множество виноградников было уничтожено, а часть винодельческих предприятий перепрофилировано на выпуск безалкогольных напитков. Наибольший ущерб винопроизводству нанес распад СССР: критически сократились площади виноградников и объемы производства вин. Сегодня, по данным Министер-

Современные виноделы ценят разработки и практический опыт кн. Голицына, стараются придерживаться его наставлений. А это — экологический подход к виноградарству и виноделию; критическое отношение к опыту заграницы, учитывающее наши разные природные условия; творческий почти художественный взгляд на винодела и важность повышения его квалификации и воспитания вкуса на лучших образцах вин. Об иностранной культуре и иностранном производителе князь мыслил следующим образом: «наша слабость заключается в том, что мы себе не верим. Мы читаем иностранные книги, мы слушаем иностранных людей и на место критики — выступаем перед ними с благоговением. Да разве иностранец желает, чтобы наша промышленность возникла, чтобы мы ему явились конкурентом на всемирном рынке? Никогда!» [12, с. 20].

Преподаватель истории в гимназии г. Севастополя Н.А. Кудашкина пишет: «и так становится понятным, что этот человек не только верил в себя, **он верил в народный духовный потенциал своего отечества**» [3, с. 42].

Что же оставил русскому виноделию Голицын, почему его считают родоначальником лучшего направления русской винодельческой школы? Он оставил свой неоценимый опыт — хозяйственный и винодельческий; завещал потомкам горячую и деятельную любовь к родной земле, умение постоять за свою честь, национальную гордость и веру в себя, и свой народ. Этим он близок к управляющему из Шмелевского рассказа, чье мировоззрение вполне отражают слова — свет, искра Божия, размах, родная колыбель.

Тяжелые жизненные испытания бурных революционных лет, сходные с описанными вкратце героем рассказа Шмелева «Свечка», управляющим Алексеем Семеновичем, выпали на долю потомков князя Голицына — дочери Надежды Львовны (1876–1949) и внучек Ирины Николаевны Трубецкой (1903–1986 гг.) и Марины Николаевны Трубецкой (по мужу Глонти) (1893–1975).

И.Н. Трубецкая вспоминала: «После революции наша семья еще некоторое время жила в Новом Свете. Время было смутное. Туда приходили белые, красные, анархисты. Мы пережили тогда массу ужасов, которые не забыть никогда. Летом внезапно нагрянули в Новый Свет на тачанках анархисты. Нам уже было известно, что накануне они разбойничали в Судаке. Нас согнали в одну комнату в “Большом доме” — Надежду Львовну, мою сестру Марину Николаевну Глонти, ее мужа, англичанина-шампаниста — и приказали никому не выходить из дома <...>. Главарь анархистов стал требовать у Надежды Львовны жемчужное ожерелье. Он сказал, что в противном случае дом и мы будем взорваны. Какое они имели в виду ожерелье, я не знаю. Такого просто в нашем доме не было. Но, действительно, были драгоценности, которые Надежда Львовна спрятала в тайник» [4, с. 235].

Надежда Львовна под угрозой смерти вынуждена была открыть тайник и отдать все драгоценности. «На рассвете, как только анархисты уехали, мы ушли в лес, а вечером попросили закрыть нас в подвале: боялись их возвращения» [4, с. 236].

ства сельского хозяйства Крыма, общая площадь виноградников в республике составляет 30,7 тысячи гектаров, из которых плодоносят 16,3 тысячи гектаров. Для сравнения: во времена СССР площадь крымских виноградников составляла 120 тысяч гектаров. Чтобы достичь советских показателей выращивания культуры, хозяйствам полуострова потребуется немало времени. Винодельческие предприятия ежегодно закладывают новые виноградники и сады, однако получить большие урожаи удастся еще нескоро — в силу особенностей выращивания культуры: даже при самых благоприятных условиях плодоносить виноград начинает лишь через три года. Важно и то, что качество винограда зависит от возраста лозы: чем она старше, тем лучше вино из ее плодов, при том что со временем урожайность культуры идет на убыль.

В рассказе «Свечка» подобные этим события выглядят так: «Через два дня — обыск. Разворотили полы в Дворце и в Главном Доме, у меня. У меня полы срывали раз пять, — просил уж: наложите хоть печати!» [13, с. 92].

Трубецкая сообщает также, что уже после установления советской власти ее отец, накануне предупрежденный об аресте, ушел и впоследствии обосновался в Париже.

Старшая дочь троюродной сестры Л.С. Голицына Наталии Сергеевны и известного русского офтальмолога, профессора Московского университета Алексея Алексеевича Маклакова, Н.А. Маклакова (1903–1996) вспоминала о князе Голицыне, что он был очень добрый, и окружающие его любили. «Льва Сергеевича просто боготворили татары. Однажды он потерял часы. Татары обыскали весь Новый Свет и окрестности, часы нашли и отдали Льву Сергеевичу. Лев Сергеевич завел в Новом Свете книгу, куда каждый мог записать свои впечатления. Книга обновлялась ежегодно, потому что поток гостей к Льву Сергеевичу был беспредельным» [4, с. 242].

Единственной наследницей Льва Сергеевича Голицына по прямой линии, дожившей до нашего времени, была Татьяна Александровна Глonti (1921–2004)⁴. В 1939 г. ее родители Глonti Александр Петрович и Глonti Марина Николаевна (внучка Л.С. Голицына) были арестованы. Т.А. Глonti участвовала в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., работала медсестрой в военном госпитале. Она вспоминала, что после войны «добилась свидания с мамой, которая еще находилась в лагере» [4, с. 244], затем поселилась в Харькове, вышла замуж.

О послевоенных годах она вспоминает: «Жили очень тяжело, зарабатывали совсем немного. Моя мать, [4, с. 244] не покладая рук, работала, где только можно: стирала у людей белье, прибирала квартиры. Делала любую работу и этим поддерживала и себя, и Ирину Николаевну. Ирина Николаевна, в отличие от моей мамы, не могла простить тех мук, которые она испытала в тюрьме и в ссылке. Она долго не могла прийти в себя и очень бедствовала» [4, с. 246]. Т.А. Глonti сохранила и вернула в Новый Свет некоторые семейные вещи и документы, в том числе две гостевые книги с автографами, стихами, экспромтами, высказываниями и словами благодарности гостей Голицына в Новом Свете⁵.

В 1999 г. по приглашению новообразованного Новосветского поселкового совета и администрации всемирно известного завода шампанских вин «Новый Свет», построенного еще ее прадедом, вернулась в Новый Свет, где прожила до последних дней.

Список литературы

Исследования

- 1 *Иванов А.А.* Крымское шампанское // Вестник виноделия Украины. 1927. № 12. С. 730–735.
- 2 *Ильин И.А.* О частной собственности // Русский колокол. 1929. № 8. С. 14–21.

⁴ Глonti Татьяна Александровна — правнучка Льва Сергеевича Голицына, дочь Марины Николаевны Трубецкой и Александра Петровича Глonti родилась в Судак в Немецкой колонии, где они, по настоянию местных властей, обосновались, оставив Новый Свет в 1920 г. Муж — А.П. Глonti — представитель старинного грузинского княжеского рода, офицер русской армии в Первую мировую войну, после 1920 г. руководил Судакской группой совхозов. Спасая семью, он увез ее в Грузию, на родину предков.

⁵ Татьяна Александровна, по словам исследователей, была «глубоко заинтересована, чтобы творческое наследие ее прадеда, выдающегося российского винодела и общественного деятеля, стало известно людям, особенно виноградарям и виноделам, и послужило дальнейшему прогрессу отрасли» [6, с. 246].

- 3 *Кудашкина Н.А.* Вклад Л.С. Голицына в развитие крымского виноделия и виноградарства // Крым: альманах. М.: Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 1. С. 36–47.
- 4 *Ламан Н.К., Борисова А.Н.* Князь Лев Сергеевич Голицын. Выдающийся русский винодел. М.: Наука, 1999. 331 с.
- 5 *Промтов И.А.* Прошлое завода «Новый Свет» // Виноделие и виноградарство СССР. М.: Пищепромиздат, 1940. С. 30–36.
- 6 *Смирнов Ю.М.* Муром, любовь и шампанское (Князь Лев Сергеевич Голицын) // Сообщения Муромского музея. 2010. Владимир: Муромский историко-художественный музей, 2011. 110 с.
- 7 *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.
- 8 *Сорокина О.Н.* Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М.: Московский рабочий, 2000. 408 с.
- 9 *Спиридонова Л.А.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН. 2014. 240 с.
- 10 *Струве Г.П.* Из переписки И.С. Шмелева с П.Б. Струве и К.И. Зайцевым // Мосты. Мюнхен. 1958. № 1. С. 399–415.
- 11 *Суровова Л.Ю.* Иван Шмелев // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. Кн. 1. С. 394–482.

Источники

- 12 Русский винодел. Князь Л.С. Голицын / сост. Е.П. Шольц-Куликов. Симферополь: КАГН, 1995. 67 с.
- 13 *Шмелев И.С.* Свечка // *Шмелев И.С.* Собр. соч.: в 5 т. Это было: Рассказы. Публицистика. М.: Русская книга, 1999. Т. 7 (доп.). С. 87–99.

© 2023. Yulia U. Kaskina
Moscow, Russia

I.S. SHMELEV'S STORY “CANDLE” AND THE FATE OF PRINCE GOLITSYN

Abstract: The story “Candle” (1924) tells about a huge exemplary economy in the South of Russia, which name of Star-Novka is consonant with the Crimean Novy Svet, acquired in 1878 by Prince L.S. Golitsyn who created a winery in it. The fate of Star-Novka is described by Shmelev from the words of the Manager, who loved his business, but was forced to go abroad at the risk of his life after the establishment of Soviet power. However even in a foreign land he continues to believe in the undying humanity in people — the light in the soul, metaphorically manifested in the narrative by the image of a candle. The state of affairs of Prince Golitsyn, for 37 years skillfully and fruitfully managed the New World, gradually fell into decay, so that the estate in 1913 was donated to Nicholas II. L.S. Golitsyn died in 1915. His daughter and two granddaughters, underwent the troubles similar to those described in Shmelev's story. Thus, under the threat of execution in 1918, their jewelry was confiscated, in the 1920s their granddaughters were arrested, the husband of one of them managed to escape and settled in Paris. The real events he experienced, perhaps told and heard by Shmelev, could serve, in our opinion, a historical basis for the plot of the story “Candle”.

Keywords: Shmelev, “Candle”, Golitsyn, Novy Svet, Champagne, Spirituality.

Information about the author: Yuliya U. Kaskina — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6893-596X>

E-mail: kaskina@inbox.ru

Received: July 22, 2022

Approved after reviewing: July 30, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Kaskina, Y.U. “I.S. Shmelev's Story ‘Candle’ and the Fate of Prince Golitsyn.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 132–141. (In Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-132-14>

REFERENCES

- 1 Ivanov, A.A. “Krymskoe shampanskoe” [“The Crimean Champagne”]. *Vestnik vinodeliia Ukrainy*, no. 12, 1927, pp. 730–735. (In Russ.)
- 2 Il'in, I.A. “O chastnoi sobstvennosti” [“On Private Property”]. *Russkii kolokol*, no. 8, 1929, pp. 14–21. (In Russ.)
- 3 Kudashkina, N.A. Vklad, L.S. “Golitsyna v razvitie krymskogo vinodeliia i vinogradarstva” [“Contribution of L.S. Golitsyn to the Development of Crimean Wine-making and Viticulture”]. *Krym: al'manakh [Crimea: Almanac]*. Moscow, Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura Publ., no. 1, 2013, pp. 36–47. (In Russ.)
- 4 Laman, N.K., Borisova, A.N. *Kniaz' Lev Sergeevich Golitsyn. Vydaishchiisia russkii vinodel [Prince Lev Sergeevich Golitsyn. An Outstanding Russian Winemaker]*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 331 p. (In Russ.)
- 5 Promtov, I.A. “Proshloe zavoda ‘Novyi Svet’.” [“Past of the ‘Novy Svet’ plant”]. *Vinodelie i vinogradarstvo SSSR [Winemaking and Viticulture of the USSR]*. Moscow, Pishchepromizdat Publ., 1940, pp. 30–36. (In Russ.)
- 6 Smirnov, Iu.M. “Murom, liubov' i shampanskoe (Kniaz' Lev Sergeevich Golitsyn)” [Murom, Love and Champagne (Prince Lev Sergeevich Golitsyn)]. *Soobshcheniia Muromskogo muzeia. 2010 [Messages from the Murom Museum. 2010]*. Vladimir, Muromskii istoriko-khudozhestvennyi muzei Publ., 2011. 110 p. (In Russ.)
- 7 Solntseva, N.M. *Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo [Ivan Shmelev. Life and Creativity]*. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
- 8 Sorokina, O.N. *Moskoviana. Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva [Moscovian. Life and Work of Ivan Shmelev]*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 2000. 408 p. (In Russ.)
- 9 Spiridonova, L.A. *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva [Art World of I.S. Shmelev]*. Moscow, IWL RAS. 2014. 240 p. (In Russ.)
- 10 Struve, G.P. “Iz perepiski I.S. Shmeleva s P.B. Struve i K.I. Zaitsevym” [“From the Correspondence of I.S. Shmelev with P.B. Struve and K.I. Zaitsev”]. *Mosty. Miunkhen*, no. 1, 1958, S. 399–415. (In Russ.)
- 11 Surovova, L.Iu. “Ivan Shmelev” [Ivan Shmelev]. *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov: v 3 t. [Russian Literature of the 1920s–1930s. Portraits of Prose Writers: in 3 vols.]* Moscow, IWL RAS, 2016, vol. 1, book 1, pp. 394–482. (In Russ.)